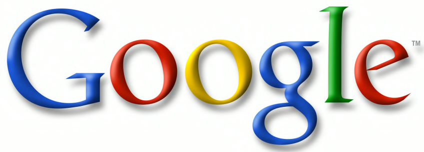

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

АЛЬБОМЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ
КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ
ИВ. СЕРГ. ТУРГЕНЕВА

СТ. ПЕТЕРБУРГЪ

1898 Г.

ПРЕМІЯ ЖУРНАЛА
„СѢВЕРЪ"

ХРОМО-ЛИТ. Р. ШВАРЦЪ С.П.Б.

АЛЬБОМЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ,

исполненныхъ по фотографическимъ композиціямъ,

КЪ СОБРАНІЮ СОЧИНЕНІЙ

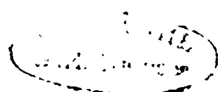
ИВ. СЕРГ. ТУРГЕНЕВА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

1) этюда **А. А. Коринфскаго**—„И. С. Тургеневъ", 2) замѣтки **Н. Ѳ. Мертца**—«Отъ издателя», 3) пояснительнаго текста къ иллюстраціямъ, 4) портрета **И. С. Тургенева,** снятаго за полгода до смерти, и 5) ориг. рис. **Н. Н. Каразина—„Въ память 15-лѣтія со дня кончины И. С. Тургенева".**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1898.

Дозволено ценз. С.-Петербургъ 13 Декабря 1898 г.

Паровая Скоропечатня Г. Г. Шклявера. Фонтанка, д. № 86.

И. С. Тургеневъ.

Тургеневъ ни на шагъ не отступаетъ отъ дѣйствительности, какъ бы она ни расходилась съ основными законами эстетики. Художникъ по призванію, художникъ до мозга костей—онъ всегда оставался вѣренъ «натурѣ», перевоплощая ее въ яркія поэтическія формы. Піонеръ русскаго реальнаго романа и величайшій знатокъ русской жизни, Тургеневъ—поэтъ въ широкомъ, всеобъемлящемъ значеніи слова, на чемъ и зиждется вся сила его неумирающаго обаянія. Проза его поэтичнѣе всякихъ стиховъ.

Если говорятъ о чьихъ-нибудь риѳмованныхъ строкахъ, что «поэзія въ нихъ и не ночевала», то относительно Тургенева остается только повторить слова одного изъ его новѣйшихъ критиковъ — С. А. Андреевскаго: «Поэзія тутъ не удалялась ни на одно мгновеніе ни съ одной страницы, отъ ея первой до послѣдней строки». И эти слова будутъ лучшей характеристикой знаменитаго прозаика-поэта. Тургеневская *поэзія-проза* такъ обаятельно дѣйствуетъ на впечатлѣніе читателя, что, говоря словами Писарева, «даже самый отчаянный отрицатель искусства почувствуетъ при чтеніи (его) романа какое-то непонятное наслажденіе». Чѣмъ больше вы читаете Тургенева, чѣмъ глубже вдумываетесь въ прочитанное, тѣмъ сильнѣе захватываетъ васъ чарующая гармоничность впечатлѣній, тѣмъ труднѣе вамъ оторваться отъ страницъ, вѣящихъ могучимъ духомъ проникновеннаго творчества, раскрывающихъ предъ вами бездонныя глубины жизни, поэтичной во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Ни у одного русскаго прозаика, кромѣ Гоголя и Л. Н. Толстого, нельзя встрѣтить столько поэзіи, какъ у творца «Записокъ охотника», въ которыхъ нашли себѣ выраженіе всѣ самыя яркія стороны таланта Тургенева.

Поэзія его выступаетъ особенно ярко потому, что сохраняетъ кровную связь съ жизнью. Жизнь такъ и брызжетъ изъ каждой строки художника-романиста. Эстетическая натура его поэтизируетъ, или вѣрнѣе—способна опоэтизировать, каждый штрихъ, наброcанный на широкомъ полотнѣ впечатлѣнія самой жизнью. Что у Тургенева поэтично, то натурально; что натурально, то и полно поэзіи. Таковы уже свойства таланта, таящагося во всемъ, выходившемъ когда-либо изъ-подъ пера этого эстетика натурализма и

натуралиста эстетики, если можно такъ выразиться. «Записки охотника», «Отцы и дѣти», «Дворянское гнѣздо», «Наканунѣ», «Первая любовь», «Ася, «Рудинъ», «Дымъ», «Новь», «Пѣснь торжествующей любви»,—все это увлекаетъ читателя яркимъ изображеніемъ жизни и запечатлѣвается въ памяти, проходя цѣлымъ калейдоскопомъ живыхъ типовъ и характеровъ.

Все это чаруетъ поэзіей—не только той поэзіей, о которой тургеневская Зина изъ «Первой любви» отзывается въ такихъ словахъ: «Поэзія говоритъ намъ то, чего нѣтъ, и что не только лучше того, что есть, но даже больше похоже на правду»,—но и той поэзіей, которая—сама правда, сама жизнь, которая разлита въ чудныхъ описаніяхъ русской природы, на какія Тургеневъ былъ великій мастеръ. Если вы—вѣчный житель забывшихъ о природѣ большихъ городовъ—захотите имѣть понятіе о настоящихъ картинахъ русской природы,—возьмите «Записки охотника», откройте любую страницу этой удивительной книги, и васъ охватитъ сразу живая природа, передъ красотами которой—ничто всѣ приманки столицъ. Вы будете поражены простотою языка, мягкостью тоновъ, яркостью красокъ, рельефностью изображеній и глубиной содержанія каждаго отрывка. Не только русская природа, но и самъ русскій народъ, встанетъ передъ вами во весь ростъ изъ этихъ живыхъ страницъ. «Отцы и дѣти»—со своей страстною проповѣдью скептицизма въ лицѣ Базарова, главнаго героя романа, этого яркаго представителя русскихъ демократовъ—даютъ читателю плодотворную работу мысли, олицетворяя собою борьбу отходящаго и вступающаго въ жизнь поколѣнія, которая будетъ продолжаться, видоизмѣняясь безконечно, до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать отцы и дѣти, традиціи старости и запросы молодости. И чѣмъ дальше вы станете отходить отъ эпохи, изображенной въ этомъ романѣ, тѣмъ шире, тѣмъ глубже и многостороннѣе будутъ представляться вамъ взгляды писателя, тѣмъ жизненнѣе будутъ его типы. «Дворянское гнѣздо», эта эпопея чистой любви,—съ Лизой, «Рудинъ»—съ Наташей, «Наканунѣ»—съ Еленой, «Ася»—съ героиней того-же имени,—даютъ вамъ рядъ типовъ русской женщины, лучше которыхъ—по силѣ изобразительности—трудно представить. «Дымъ» и «Новь» производятъ впечатлѣніе грандіозныхъ картинъ, почему-то оставшихся незаконченными,—какъ незавершены были и тѣ стихійныя движенія русской жизни, которыми вызваны эти романы.

Большинство тургеневскихъ героевъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: если это представители интеллигенціи—то они Гамлеты и Донъ-Кихоты, если-же «дѣти народа»—то Хори и Калинычи. Русская интеллигенція съ самаго зарожденія своего охвачена «гамлетизмомъ», а отъ Гамлета до Донъ-Кихота только одинъ, хотя и довольно большой, шагъ. Причину такого явленія можно вѣрнѣе всего искать въ томъ, что самая интеллигенція выросла у насъ на иноземной почвѣ, а на Западѣ никогда не переводились ни Гамлеты, ни Донъ-Кихоты.

«Хорь и Калинычъ»—разсказъ, поставленный первымъ въ «Запискахъ охотника», и долженъ занимать это мѣсто по праву,—въ немъ обрисованы во всей полнотѣ основные типы русскаго крестьянства. *Хори* и *Калинычи*—явленіе чисто національное, не имѣющее подъ собою никакой «западной» почвы. Хорь—человѣкъ положительный, практикъ, раціоналистъ, «административная голова»—какъ называетъ его самъ авторъ. Калинычъ—мечтатель, восторженный идеалистъ, романтикъ, созерцатель. Хорь—хозяйственный мужикъ, скопидомъ, повадливъ и покладистъ съ виду, но—себѣ на умѣ. Калинычъ—не наживетъ копѣйки, не обстроится, не обростетъ «бородой-лопатой», этимъ характеристичнымъ признакомъ раздобрѣвшаго русскаго человѣка—онъ весь предъ вами, какъ на ладони, безо всякихъ заднихъ мыслей. Хорь—семьянинъ; Калинычъ—бобыль по натурѣ, если даже и имѣетъ семью. Хорь—насквозь видитъ «барина»; Калинычъ способенъ только благоговѣть передъ нимъ. Хорь—не любитъ терять даромъ словъ, его «слово—олово»;

Калинычъ—рѣчистъ, какъ воробей. У русскаго народа всѣ въ большей или меньшей степени Хори и Калинычи. И какъ существуютъ, на-ряду съ Гамлетами—«гамлетики», такъ есть свои «хорьки» и т. п. Какъ между Гамлетами и Донъ-Кихотами встрѣчаются такъ называемые «лишніе люди», такъ есть они и среди Калинычей, но между Хорями быть ихъ не можетъ.

Типъ русскаго «лишняго человѣка» созданъ Тургеневымъ и до сихъ поръ остается самымъ яркимъ изъ этой категоріи въ галлереѣ типовъ русской художественной литературы. Яковъ Пасынковъ, Пунинъ, Андрей Колосовъ, Волынцевъ, Уваръ Ивановичъ и, наконецъ, Инсаровъ, въ «Наканунѣ»,—все это Донъ-Кихоты. Веретьевъ («Затишье»), Санинъ («Вешнія воды»), Литвиновъ («Дымъ»), Рудинъ, Лаврецкій—тургеневскіе Гамлеты — являются центральными типами своего времени. Въ прекрасной статьѣ «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ», напечатанной въ «Современникѣ» (1860 г., № 1), Тургеневъ самъ подраздѣляетъ не только своихъ героевъ, но и вообще всѣхъ людей, на двѣ категоріи, говоря такъ: «почти-что каждый изъ насъ сбивается либо на Донъ-Кихота, либо на Гамлета...» Первый, по его опредѣленію, выражаетъ собою слѣпую вѣру, преданность идеалу до энтузіазма и т. д., а второй олицетворяетъ анализъ, безвѣріе, неспособность беззавѣтно увлекаться.

Двадцать пять разсказовъ, составившихъ «Записки охотника», таковы, что ихъ можно читать и перечитывать десятки разъ—всегда съ живымъ интересомъ новизны, хотя самый языкъ ихъ такъ гармониченъ и оригиналенъ, что невольно запоминаются наизусть цѣлые періоды и страницы. Это не стихи, но какая-то своеобразная мѣрная проза, каждая фраза, каждый оборотъ которой словно выточены, словно вылиты навсегда въ извѣстную, только Тургеневу свойственную, форму.

С. А. Андреевскій, въ своей оригинальной критической монографіи—«Тургеневъ, его индивидуальность и поэзія» прекрасно подмѣтилъ это и говоритъ, что весь текстъ Тургенева можно было-бы раздѣлить цифрами на отдѣльные періоды, какъ раздѣлена библейская проза, и въ каждомъ изъ такихъ періодовъ вы нашли-бы вѣрныя, полныя мысли и гармоніи слова». Если эти слова талантливаго поэта-критика можно отнести даже и «ко всему Тургеневу», то по отношенію къ «Запискамъ охотника» ихъ можно назвать положительно непогрѣшимыми. Тургеневъ-стилистъ вылился въ нихъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. И слогъ его здѣсь—не мертвая буква, какъ у многихъ нашихъ «стилистовъ» новѣйшей формаціи, а плоть отъ плоти, кровь отъ крови самого художника-бытописателя. Объ этой особенности автора «Записокъ» говорилъ еще Писаревъ, который, будучи въ глазахъ близорукихъ читателей *только* развѣнчивателемъ эстетическихъ кумировъ, и самъ, въ лучшихъ, сокровенныхъ, проявленіяхъ своего удивительнаго таланта, былъ не совсѣмъ чуждъ эстетики. Развѣ не эстетикъ слышенъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ...—«Только въ соприкосновеніи между мыслью автора и мыслью читателя и заключается обаятельное дѣйствіе поэта... На васъ дѣйствуетъ часто сила мысли, а мысль и чувство всегда бываютъ личными. Слѣдовательно, что-же останется отъ поэтическаго произведенія, если вы изъ него вытравите личность автора: вполнѣ объективная картина-фотографія, показаніе свидѣтеля, записанное стенографомъ, вполнѣ объективная музыка-шарманка; вполнѣ добиться этой объективности, значитъ уничтожить въ поэзіи всякій патетическій элементъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убить поэзію, убить искусство!» Ну развѣ могъ озлобленный отрицатель искусства, какимъ является въ глазахъ большинства Писаревъ, такъ говорить объ искусствѣ?!. А онъ говорилъ такъ по поводу Тургенева, по поводу отраженія русскаго поэта прозы въ его произведеніяхъ. И Тургеневъ, дѣйствительно, какъ живой возстаетъ передъ читателемъ въ своихъ созданіяхъ.

Въ высшей степени оригинальный человѣкъ—онъ и въ своемъ творчествѣ былъ

оригиналенъ болѣе, чѣмъ кто бы то ни было. Какъ блѣдны и жалки всѣ попытки подражать его «Запискамъ охотника», какъ безжизненны всѣ эти сколки съ его простыхъ героевъ у позднѣйшихъ беллетристовъ, пожелавшихъ признать себя «Тургеневыми» и даже мечтавшихъ перешагнуть черезъ него. Если ихъ можно *читать,* то трудно *перечитывать;* а сколько ни читаешь «Бѣжинъ лугъ», «Льговъ», «Ермолая и мельничиху», «Свиданіе», «Гамлета Щигровскаго уѣзда», «Малиновую воду», «Чертопханова», «Живыя мощи», «Стучитъ» и т. п., никогда не *начитаешься* вдоволь этими разсказами... А «Пѣвцы», эта простая сценка въ притынномъ кабачкѣ на краю убогой деревушки, сценка состязанія деревенскихъ пѣвуновъ изъ-за осьмухи пива передъ полупьяною компаніей завсегдатаевъ веселаго пріюта, — да это такая поэтическая жемчужина, которая блескомъ своимъ затмитъ цѣлые томы стиховъ иного поэта нашихъ дней. Яшка-Турокъ, Моргачъ, Дикій Баринъ, Рядчикъ съ Жиздры, Обалдуй, цѣловальникъ Николай Иванычъ и даже угрюмый «заворотень-полѣха» — мужичокъ съ дырой на плечѣ, — вѣдь все это такъ и брызжетъ волнами поэзіи, заливающими не только грязныя стѣны колотовскаго кабачка, но и необъятное поле чистое русской художественной литературы. Самое описаніе турнира деревенскихъ «миннезингеровъ» достойно кисти великаго художника: читая его, такъ и слышишь рядомъ съ собою сладкій tenore di grazia, которымъ вызывалъ рядчикъ съ Жиздры крики Обалдуя и Моргача: «Лихо! Забирай, шельмецъ! Накалывай еще, собака ты эдакая, песъ! Погуби Иродъ твою душу!» и т. д. Такъ и слышишь болѣзненно-надтреснутый, полный неподдѣльной глубокой страсти и увлекательно-безпечной грусти, голосъ его соперника Яшки, хватающій за сердце и заставляющій плакать заскорузлыхъ душою слушателей. Плачетъ отъ пѣсни Яшки-Турка жена цѣловальника, припавъ грудью къ окну, потупился самъ цѣловальникъ, отвернулся — скрывая набѣжавшую слезу — Моргачъ, разнѣжился Обалдуй, сѣрый мужичокъ-«полѣха» всхлипываетъ, по угрюмому лицу Дикаго Барина медленно прокатилась тяжелая слеза, даже самъ рядчикъ замеръ и не шевелится и за послѣднимъ оборвавшимся звукомъ пѣсни бросается вонъ изъ кабака со словами: «Ты... твоя... ты выигралъ!» И отъ тургеневскаго описанія всего этого сердце замираетъ, слезы подкатываются къ горлу, какая-то неизъяснимая отрада разливается въ душѣ. Этотъ разсказъ одинъ могъ-бы создать славу своему автору и всегда приходитъ на память при воспоминаніи о Тургеневѣ, — тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ, по какой-то странной случайности, не оцѣненъ по достоинству ни читателями, ни критикой, хотя о немъ можно было-бы написать цѣлый томъ. Такъ много говоритъ чувству и мысли каждая строка его, каждое его слово. Такого дивнаго разсказа изъ народной жизни не было, да, по всей вѣроятности, и не будетъ, въ нашей художественной прозѣ. Такъ писать могъ только Тургеневъ, этотъ «задумчивый поэтъ земного существованія», создававшій свои замѣчательныя «поэмы въ прозѣ» — бродя съ ружьемъ за плечами по орловскому и калужскому полѣсью, прислушиваясь чуткимъ ухомъ къ народному говору, присматриваясь зоркимъ глазомъ къ народному быту и перерабатывая свои впечатлѣнія въ горнилѣ художественнаго творчества.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ родился въ г. Орлѣ 28-го октября 1818 года въ старинной дворянской семьѣ; послѣ домашняго воспитанія поступилъ (въ 1833 г.) въ Московскій Императорскій университетъ, затѣмъ перешелъ (по словесному факультету) въ С.-Петербургскій и окончилъ курсъ въ 1837 году. Но любознательная натура не остановила его на этомъ, и онъ съ 1838 по 1841 годъ слушалъ лекціи въ Берлинскомъ университетѣ и путешествовалъ заграницей. Литературная дѣятельность знаменитаго романиста началась стихами. Такъ, въ 9-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» 1841 года появилось его стихотвореніе «Старый помѣщикъ», вызвавшее за собой цѣлый рядъ другихъ, а въ томъ числѣ и поэму «Параша», изданную отдѣльной брошюрою (въ 1843 г.) и встрѣченную

восторженнымъ отзывомъ Бѣлинскаго. Всѣ эти стихотворенія, а равно и поэма «Разговоръ», вышедшая отдѣльно въ 1845 году, были подписаны буквами Т. Л. (Тургеневъ-Лутовиновъ, Лутовинова—фамилія матери его). Уступая во многомъ прославившей ихъ автора прозѣ, они не лишены своихъ поэтическихъ достоинствъ и имѣли-бы свое значеніе въ русской литературѣ, если-бы не затмили ихъ романы, повѣсти и разсказы Тургенева. Первымъ печатнымъ прозаическимъ произведеніемъ его былъ разсказъ «Неосторожность», въ 10-й книгѣ «Современника» за 1843 годъ. «Хорь и Калинычъ», напечатанный въ январскомъ выпускѣ этого журнала за 1847 годъ, обратилъ на инициалы Т. Л., стоявшие вмѣсто фамилии автора, общее вниманіе и былъ первымъ рѣшительнымъ шагомъ Тургенева по пути къ славѣ. Отдѣльное изданіе первыхъ разсказовъ изъ «Записокъ охотника» вышло въ 1852 году, когда уже имя ихъ автора пользовалось широкой популярностью. Въ этомъ-же году, за напечатаніе знаменитаго «Письма о Гоголѣ», Иванъ Сергѣевичъ былъ отправленъ административнымъ порядкомъ на жительство въ родовое имѣніе, с. Спасское-Лутовиново, откуда вернулся въ Петербургъ черезъ два года, но вскорѣ уѣхалъ за-границу, гдѣ съ 1856 года и поселился окончательно (сначала въ Баденѣ, а затѣмъ въ Парижѣ). Въ 1856 г. П. В. Анненковымъ были изданы въ 3-хъ томахъ «Повѣсти и разсказы» Тургенева, а въ 1869 году Салаевъ выпустилъ первое полное собраніе сочиненій его. «Рудинъ»—въ 1856, «Дворянское гнѣздо» — въ 1859, «Наканунѣ»—въ 1860 и «Отцы и дѣти» — въ 1862 году вызвали, при своемъ появленіи въ журналахъ, цѣлую бурю въ русской литературѣ, сопровождаясь шумнымъ успѣхомъ въ читающей публикѣ. Съ послѣднимъ изъ этихъ романовъ Тургеневъ появился въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Отсюда Иванъ Сергѣевичъ перенесъ свою дѣятельность на страницы «Вѣстника Европы», гдѣ и была напечатана его «Новь» (1877 г.) съ цѣлымъ рядомъ мелкихъ повѣстей и разсказовъ. Около двадцати лѣтъ провелъ И. С. за-границей, но почти ежегодно наѣзжалъ въ Россію, такъ что связи его съ родиной не порывались никогда. «Стихотворенія въ прозѣ», «Клара Миличъ» и «Пѣснь торжествующей любви» были его послѣдними произведеніями.

22 августа 1883 года творца лучшихъ типовъ русской художественной прозы не стало: онъ скончался близъ Парижа (въ Буживалѣ). Тѣло его, согласно съ послѣдней волей умирающаго, было перевезено въ Петербургъ и покоится возлѣ новой церкви на Волковомъ кладбищѣ подъ плитою, украшенной мраморнымъ памятникомъ съ прекраснымъ бюстомъ работы Ж. А. Полонской. Похороны Тургенева сопровождались невиданной до того времени торжественностью, и несмѣтныя толпы провожавшихъ яснѣе всякихъ рѣчей, въ изобиліи произнесенныхъ надъ могилой усопшаго, говорили о значеніи піонера русскаго реальнаго романа для *отцовъ*, такъ и для *дѣтей* современнаго общества.

Пятнадцать лѣтъ (1883—98), прошедшихъ со дня кончины И. С., были пятнадцатилѣтіемъ его посмертной славы. Этой славѣ—не будетъ смерти!..

Аполлонъ-Коринфскій

Отъ издателя.

Выпуская въ свѣтъ альбомъ иллюстрацій къ сочиненіямъ И. С. Тургенева, я нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ о способѣ исполненія этихъ иллюстрацій, весьма распространенномъ за-границей, въ особенности во Франціи, гдѣ онъ широко примѣняется преимущественно къ роскошнымъ изданіямъ, но впервые примѣняющемся у насъ въ Россіи.

Съ развитіемъ фотографическаго искусства и фотомеханическихъ процессовъ, достигшихъ въ настоящее время большого совершенства, художественное значеніе и преимущество фотографическихъ изображеній предъ заурядными рисунками «отъ руки»— стали для всѣхъ очевидными, наглядно убѣждающими каждаго въ томъ, что никакая кисть, никакой рѣзецъ, какой-бы искусною рукой они ни направлялись, не въ силахъ исполнить то, что творитъ лучъ свѣта, этотъ идеальный рисовальщикъ и непогрѣшимый художникъ. Нашъ извѣстный художникъ и писатель — Н. Н. Каразинъ, вполнѣ правъ, говоря, что «орлиныя крылья человѣческаго генія, разгоняя тучи невѣжества, само солнце призываютъ къ труду». Съ помощью этого порабощеннаго луча солнца явилась возможность моментально запечатлѣвать сцены, полныя жизненной правды и движенія, часто даже неуловимаго простымъ глазомъ. Отъ этого механическаго воспроизведенія сценъ, въ группировкѣ которыхъ воля и талантъ экспериментатора не играютъ почти никакой роли, ограничиваясь лишь стараніемъ уловить на чувствительную пластинку видимое изображеніе, до обдуманно созданной группировки въ произвольно выбранной обстановкѣ—одинъ шагъ. Такимъ образомъ возникла художественно-фотографическая композиція. Ничто уже не мѣшало идти обычнымъ художественнымъ путемъ, и для созданія картины, долженствующей иллюстрировать какую-нибудь сцену, описанную въ драмѣ, романѣ или разсказѣ, взять подходящую «натуру», облечь ее въ извѣстный костюмъ, поставить ее въ должное положеніе, помѣстить среди соотвѣтствующей обстановки и сфотографировать, запечатлѣвъ, посредствомъ объектива и камеры, видимое изображеніе на чувствительной пластинкѣ, подобно тому, какъ художникъ, посредствомъ красокъ и кистей, заноситъ созданную имъ композицію на полотно. Если въ драматическихъ представленіяхъ и произведеніяхъ пера и кисти мы видимъ отраженіе дѣйствительности и художественной правды, то, безъ сомнѣнія, и въ фотографическихъ композиціяхъ ихъ найдется не меньше, такъ-какъ новый способъ иллюстрированія не только не устраняетъ надобности въ талантѣ, художественномъ дарованіи и творчествѣ, но въ одинаковой степени нуждается въ нихъ, какъ и всякій другой способъ художественнаго воспроизведенія. Разница лишь въ томъ, что при обычныхъ пріемахъ созданія иллюстрацій, употребляемыхъ въ журнальномъ и издательскомъ дѣлѣ, новый фотографическій способъ даетъ менѣе простора произвольному трактованію сюжета и совершенно исключаетъ возможность небрежнаго исполненія деталей, что слѣдуетъ отнести къ немаловажнымъ его достоинствамъ. Вотъ почему, желая дать возможно болѣе оригинальныя и художественныя иллюстраціи къ сочиненіямъ И. С. Тургенева, я остановился на новомъ способѣ воспроизведенія, до сего времени не употреблявшемся въ Россіи. Осуществленію этой далеко не легкой задачи много способствовали техническая опытность М. М. Боровитинова, одного изъ извѣстныхъ петербургскихъ фотографовъ, и старанія Ю. Д. Бѣляева, принявшаго на себя трудъ по постановкѣ сценъ и расположенію группъ, а также дѣятельное участіе многихъ другихъ лицъ. Безъ ихъ содѣйствія и сочувствія я не могъ-бы осуществить предпринятаго мною изданія, а потому считаю своимъ долгомъ выразить имъ и всѣмъ участникамъ этого новаго дѣла мою искреннюю и глубокую признательность. Насколько удалась первая попытка иллюстрированія литературныхъ произведеній съ помощью фотографіи — судить не намъ. Весьма возможно, что найдутся промахи и недосмотры, неизбѣжные во всякомъ новомъ дѣлѣ, но я надѣюсь, что публика не отнесется къ нимъ слишкомъ строго, принявъ во вниманіе большую трудность и сложность принятой нами на себя задачи.

Николай Мертцъ.

КЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМЪ.

1.

Портретъ Ивана Сергѣевича Тургенева.

Факсимиле портрета, снятаго за полгода до смерти И. С. Тургенева.

2.

Въ память 15-лѣтія со дня кончины И. С. Тургенева.

Оригинальный рисунокъ Н. Н. Каразина.

3.

Хорь и Калинычъ.

„Калинычъ пѣлъ довольно пріятно и наигрывалъ на балалайкѣ. Хорь слушалъ, слушалъ его, загибалъ вдругъ голову на бокъ и начиналъ подтягивать жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ онъ пѣсню: «Доля ты моя, доля!» Ѳедя не упускалъ случая подтрунить надъ отцомъ: «Чего, старикъ, разжалобился?» Но Хорь подпиралъ щеку рукой, закрывалъ глаза и продолжалъ жаловаться на свою долю...“

4.

Ермолай и мельничиха.

„Арина вернулась съ небольшимъ стаканчикомъ. Ермолай привсталъ, перекрестился и выпилъ духомъ...
— «Люблю!»—прибавилъ онъ“.

5.

Малиновая вода.

„— Здорóво, Михайла Савельичъ,—проговорилъ мужикъ, подходя къ намъ:—Издалеча?
— Гдѣ пропадалъ?—спросилъ его Туманъ.
— А въ Москву сходилъ, къ барину.
— Зачѣмъ?
— Просить его ходилъ.
— О чемъ просить?
— Да чтобъ оброкъ сбавилъ, аль на барщину посадилъ, переселилъ, что-ли... Сынъ у меня умеръ—такъ мнѣ одному теперь не справиться...“

6.

Уѣздный лѣкарь.

„...Какъ она вдругъ раскроетъ глаза и уставится на меня!.. «Кто это, кто это?..—Я сконфузился.— Не пугайтесь, говорю, сударыня: я докторъ, пришелъ посмотрѣть, какъ вы себя чувствуете.—«Вы докторъ!»—Докторъ, докторъ... Матушка ваша за мною въ городъ посылали; мы вамъ кровь пустили, сударыня; теперь извольте почивать, а дня этакъ черезъ два мы васъ, дастъ Богъ, на ноги поставимъ“.

7.

Однодворецъ Овсяниковъ.

„Митя, малый лѣтъ двадцати восьми, высокій, стройный и кудрявый, вошелъ въ комнату и, увидѣвъ меня, остановился у порога...
— Ну подойди, подойди,—заговорилъ старикъ:— чего стыдишься? Благодари тетку: прощенъ... Ну, говори, что ты тамъ такое напуталъ? За что на тебя жалуются, сказывай.
Митѣ, видимо, не хотѣлось объясняться, оправдываться при мнѣ.
— Послѣ, дядюшка,—пробормоталъ онъ.
— Нѣтъ, не послѣ, а теперь,—продолжалъ старикъ. — Тебя я знаю, при господинѣ совѣстно; тѣмъ лучше—казнись. Изволь, изволь-ка говорить... Мы послушаемъ“.

8.

Льговъ.

„Мы плыли довольно медленно. Старикъ съ трудомъ выдергивалъ изъ вязкой тины свой длинный шестъ, весь перепутанный зелеными нитями подводныхъ травъ; сплошные, круглые листья болотныхъ лилій тоже мѣшали ходу нашей лодки“.

9.

Контора.

„Николай Еремѣичъ скрутилъ голову на бокъ и усердно застучалъ костяшками.

— Наши... мужики... Николай Еремѣичъ... — заговорилъ, наконецъ, Сидоръ, запинаясь на каждомъ словѣ: — приказали вашей милости... вотъ тутъ... будетъ... (онъ запустилъ свою ручищу за пазуху армяка и началъ вытаскивать оттуда свернутое полотенце съ красными разводами)".

10.

Бирюкъ.

„Я посмотрѣлъ на него (на Бирюка). Рѣдко мнѣ случалось видѣть такого молодца. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и сложенъ на славу. Изъ-подъ мокрой затасканной рубашки выпукло выставлялись его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; изъ-подъ сросшихся широкихъ бровей смѣло глядѣли небольшие каріе глаза".

11.

Свиданіе.

„Онъ уронилъ васильки на траву, вынулъ изъ бокового кармана пальто круглое стеклышко въ бронзовой оправѣ и принялся втискивать его въ глазъ; но, какъ онъ ни старался удержать его нахмуренной бровью, приподнятой щекой и даже носомъ—стеклышко все вываливалось и падало ему въ руку.

— Что это? — спросила, наконецъ, изумленная Акулина.

— Лорнеть,—отвѣчалъ онъ съ важностью".

12.

Чертопхановъ и Недопюскинъ.

„Маша опрокинулась назадъ и звонко захохотала; Чертопхановъ тоже засмѣялся; Недопюскинъ запищалъ отъ восторга... Полчаса спустя, насъ-бы никто не узналъ: мы болтали и шалили, какъ дѣти. Маша рѣзвилась пуще всѣхъ, Чертопхановъ такъ и пожиралъ ее глазами".

13.

Живыя мощи.

„Вы меня не узнаёте, баринъ?—прошепталъ опять голосъ; онъ словно испарялся изъ едва шевелившихся губъ. — Да и гдѣ узнать! — Я Лукерья... Помните, что хороводы у матушки у вашей, въ Спасскомъ, водила... Помните, я еще запѣвалой была?

— Лукерья!—воскликнулъ я.—Ты-ли это! Возможно-ли!

— Я, да, баринъ,—я. Я—Лукерья".

14.

Отцы и дѣти (Встрѣча.).

„— Аркаша! Аркаша!—закричалъ Кирсановъ, и побѣжалъ, и замахалъ руками... Нѣсколько мгновеній спустя, его губы уже прильнули къ безбородой, запыленной и загорѣлой щекѣ молодого кандидата."

15.

Отцы и дѣти (Дуэль.).

„Базаровъ тихонько двинулся впередъ, а Павелъ Петровичъ пошелъ на него, заложивъ лѣвую руку въ карманъ и постепенно поднимая дуло пистолета... «Онъ мнѣ прямо въ носъ цѣлитъ», подумалъ Базаровъ: «и какъ щурится старательно, разбойникъ! Однако это непріятное ощущеніе. Стану смотрѣть на цѣпочку его часовъ...» Что-то рѣзко зыкнуло около самаго уха Базарова, и въ то-же мгновеніе раздался выстрѣлъ.—«Слышалъ, стало быть, ничего», успѣло мелькнуть въ его головѣ. Онъ ступилъ еще разъ, и, не цѣлясь, подавилъ пружину.

Павелъ Петровичъ дрогнулъ слегка и хватился рукою за ляжку. Струйка крови потекла по его бѣлымъ панталонамъ.

Базаровъ бросилъ пистолетъ въ сторону и приблизился къ своему противнику.

— Вы ранены?—промолвилъ онъ".

16.

Отцы и дѣти (Базаровъ и Одинцова.).

„— Великодушная!—шепнулъ онъ (Базаровъ). Охъ, какъ близко, и какая молодая, свѣжая, чистая... въ этой гадкой комнатѣ!.. Ну, прощайте! Живите долго, это лучше всего, и пользуйтесь, пока время. Вы посмотрите, что за безобразное зрѣлище: черепъ полураздавленный, а еще топорщится. Я вѣдь тоже думалъ: «Обломаю дѣлъ много, не умру, куда! Задача есть, вѣдь я гигантъ! «А теперь вся задача гиганта—какъ-бы умереть прилично, хотя никому до этого дѣла нѣтъ... Все равно: вилять хвостомъ не стану..."

17.

Дымъ (а).

„— Ну, такъ знай-же,—промолвила она:—что и я на все готова, что и я не пожалѣю никого и ничего. Какъ ты рѣшишь, такъ и будетъ... Я тоже навѣкъ твоя...

Кто-то осторожно постучался въ дверь. Ирина нагнулась, еще разъ шепнула: «твоя... прощай!»

18.

Дымъ (б).

„— Да, Таня, я погибъ. Все прежнее, все дорогое, все, чѣмъ я доселѣ жилъ,—погибло для меня;

все разрушено, все порвано, и я не знаю, что меня ожидаетъ впереди. Ты сейчасъ мнѣ сказала, что я разлюбилъ тебя... Нѣтъ, Таня, я не разлюбилъ тебя, но другое, страшное, неотразимое чувство налетѣло, нахлынуло на меня. Я противился, пока могъ...

Татьяна встала; ея брови сдвинулись; блѣдное лицо потемнѣло".

19.

Дворянское гнѣздо.

„— Что съ вами?—промолвилъ Лаврецкій и услышалъ тихое рыданіе. Сердце его захолонуло... Онъ понялъ, что значили эти слезы.—Неужели вы меня любите?—прошепталъ онъ и коснулся ея колѣней.

— Встаньте,—послышался ея голосъ: — встаньте, Ѳедоръ Иванычъ. Что мы это дѣлаемъ съ вами?"

20.

Дворянское гнѣздо (Леммъ.).

„Лаврецкій проворно взбѣжалъ наверхъ, вошелъ въ комнату и хотѣлъ-было броситься къ Лемму; но тотъ повелительно указалъ ему на стулъ, отрывисто сказалъ по-русски: «Садитесь и слушайте»; самъ сѣлъ за фортепіано, гордо и строго взглянулъ кругомъ и заигралъ. Давно Лаврецкій не слышалъ ничего подобнаго; сладкая, страстная мелодія съ перваго звука охватывала сердце; она вся сіяла, вся томилась вдохновеніемъ, счастьемъ, красотою; она росла и таяла; она касалась всего, что есть на землѣ дорогого, тайнаго, святого; она дышала грустью и уходила умирать въ небеса..."

21.

Дворянское гнѣздо (Лиза.).

Лиза—монахиня.

22.

Н о в ь (а).

„Соломинъ протянулъ руку и осторожно снялъ со свѣчки.

— Вотъ что, дѣти мои,—проговорилъ онъ наконецъ.—Ступайте ко мнѣ на фабрику... Некрасиво тамъ, да не опасно. Я васъ спрячу. У меня тамъ есть комнатка. Никто васъ не отыщетъ.—Попадите только туда... А мы васъ не выдадимъ. Вы скажете: на фабрикѣ людно. Это-то и хорошо. Гдѣ людно—тамъ-то и можно спрятаться. Идетъ, что-ль?"

23.

Н о в ь (б.)

„— Но кого это я вижу? Гдѣ мы?

Эти послѣднія восклицанія относились къ Маріаннѣ, которая въ ситцевомъ, пестренькомъ, много разъ мытомъ платьицѣ, съ желтымъ платочкомъ на плечахъ, съ краснымъ на головѣ, появилась на порогѣ своей комнаты".

24.

Р у д и н ъ.

„Наступило молчаніе. Оба пріятеля сидѣли, понуривъ головы.

Первый заговорилъ Рудинъ:

— Да, братъ,—началъ онъ:—я теперь могу сказать съ Кольцовымъ: «До чего ты, моя молодость, довела меня, домыкала, что ужъ шагу ступить некуда...»

25.

Б р е т т е р ъ.

„Лучковъ протянулъ къ ней руку...

Маша вспомнила Кистера, его «берегитесь», замерла отъ страха и довольно визгливымъ голосомъ закричала:

— Танюша!

Изъ-за орѣховаго куста вынырнуло круглое лицо горничной..."

26.

Три портрета.

„— Нѣтъ, этому не бывать! Полноте, Василій Ивановичъ, опять-таки скажу вамъ—за кого вы меня принимаете? Много чести: покорно благодаримъ-съ. Извините-съ.

— Какъ угодно! — возразилъ Василій. — Доставайте шпагу".

27.

Ж и д ъ.

„...Мы всѣ трое вошли въ палатку. Смѣшно сказать: я задыхался.

— Вотъ, ваше благородіе,—прошепталъ съ усиліемъ жидъ,—вотъ. Она немножко боится теперь, она боится; но я ей сказалъ, что г. офицеръ хорошій человѣкъ, прекрасный... А ты не бойся, не бойся,—продолжалъ онъ,—не бойся...

Закутанная фигура не шевелилась. Я самъ былъ въ страшномъ смущеніи и не зналъ, что сказать. Гиршель тоже семенилъ на мѣстѣ, какъ-то странно разводилъ руками...

— Однако,—сказалъ я ему,—выдь-ка ты вонъ..."

28.

Пѣтушковъ.

„Калитка отворилась, и выбѣжала Василиса, съ желтымъ платочкомъ на головѣ и въ душегрѣйкѣ, накинутой, по русскому обычаю, на плечи.

Иванъ Аѳанасьичъ тотчасъ-же нагналъ ее.

— Куда изволите идти, голубушка?

Василиса быстро взглянула на него, засмѣялась, отвернулась и закрыла себѣ губы рукой.

— Чай, за покупочкой? — спросилъ Иванъ Аѳанасьичъ, семеня ножками".

29.

Три встрѣчи (а).

„Окно растворилось. Въ окнѣ показалась женщина. Я ее тотчасъ узналъ, хотя между нами было шаговъ пятьдесятъ разстоянія, хотя легкое облачко заволакивало луну. Это была она, моя соррентская незнакомка. Но она не протянула впередъ, по-прежнему, свои обнаженныя руки: она тихо ихъ скрестила и, опершись ими на окно, стала молча и неподвижно глядѣть куда-то въ садъ. Да, это была она, это были ея незабвенныя черты, ея глаза, которымъ я не видалъ подобныхъ. Широкое бѣлое платье облекало и теперь ея члены. Она казалась нѣсколько полнѣе, чѣмъ въ Сорренто. Все въ ней дышало увѣренностью и отдыхомъ любви, торжествомъ красоты, успокоенной счастьемъ. Она долго не шевелилась, потомъ оглянулась назадъ, въ комнату и, внезапно выпрямившись, три раза громкимъ и звучащимъ голосомъ воскликнула: «addio!..»

30.

Три встрѣчи (б).

„Ужъ смеркаться начинало. Вотъ, прохожу я мимо кладовой, слышу, скребетъ тамъ что-то за дверью; я взялъ, да дверь-то и отворилъ; глядь, а онъ тамъ сидитъ; прикорнулъ подъ окномъ. «Что, молъ, говорю, дяденька, вы тутъ дѣлаете?» А онъ какъ обернется, да какъ гикнетъ на меня, а глаза-то у него такіе быстрые, быстрые, такъ и горятъ, какъ у кота. «Что тебѣ? Развѣ не видишь—брѣюсь!» И голосъ такой хриплый. У меня вдругъ волоса такъ дыбомъ и поднялись, и самъ не знаю, отчего, такъ мнѣ страшно стало... Знать, о ту пору бѣсы-то его ужъ обступили. «Въ потьмахъ-то», говорю я, а у самого такъ колѣни и дрожатъ.—«Ну, говоритъ, хорошо, ступай». Я пошелъ, и онъ изъ кладовой вышелъ и дверь на замокъ заперъ".

31.

Муму.

„Съ того дня онъ ужъ ей не давалъ покоя: куда, бывало, она ни пойдетъ, онъ ужъ тутъ-какъ-тутъ, идетъ ей навстрѣчу, улыбается, мычитъ, махаетъ руками, ленту вдругъ вытащитъ изъ-за пазухи и всучитъ ей, метлой передъ ней пыль расчиститъ".

32.

Постоялый дворъ.

„Наумъ еще издали услыхалъ торопливые шаги Авдотьи и направился къ ней навстрѣчу. Она подошла къ нему, вся блѣдная отъ бѣгу; луна свѣтила ей въ лицо.

— Ну, что, принесла?—спросилъ онъ ее.

— Принести-то принесла, — отвѣчала она нерѣшительнымъ голосомъ:—да что, Наумъ Ивановичъ...

— Давай, коли принесла, — перебилъ онъ ее и протянулъ руку...

Она достала изъ-подъ косынки какой-то свертокъ. Наумъ тотчасъ взялъ его и положилъ къ себѣ за пазуху".

33.

Два пріятеля.

„— Очень рада съ Вами познакомиться я давно этого желала, — развязно проговорила хозяйка, быстро окинувъ его взоромъ:—я очень благодарна Петру Васильевичу за доставленіе такого пріятнаго знакомства. Прошу садиться.

И хозяйка сѣла, прошумѣвъ платьемъ, на низкій диванчикъ, прислонилась къ спинкѣ, протянула ноги, обутыя въ очень миленькія ботинки, и скрестила руки. Платье на ней было зеленое, съ бѣловатыми переливами, глассе, съ воланами въ нѣсколько рядовъ.

Борисъ Андреевичъ сѣлъ на кресла противъ нея. Петръ Васильевичъ — немного поодаль. Разговоръ начался."

34.

Затишье.

„. . Дверь отворилась, и появились гости. Одинъ изъ нихъ плотный, сѣдой старичокъ съ круглой головой и свѣтлыми глазами шелъ впереди; другой высокій худощавый мужчина, лѣтъ тридцати пяти, съ длиннымъ смуглымъ лицомъ и безпорядочными волосами, выступалъ, переваливаясь, сзади... Старичокъ первый приблизился къ Владиміру Сергѣевичу и, любезно поклонившись, заговорилъ тѣмъ-же тоненькимъ голоскомъ:

— Честь имѣю рекомендоваться — ближайшій вашъ сосѣдъ и даже родственникъ, Ипатовъ, Михайло Николаичъ. Давно желалъ имѣть удовольствіе съ вами познакомиться. Надѣюсь, что не обезпокоилъ".

35.

Яковъ Пасынковъ.

„...Я было чуть не умеръ, однако оправился. Теперь, вотъ, ѣду окончательно вылѣчиться... Начальство, дай Богъ имъ всѣмъ здоровья, денегъ дало.

Пасынковъ въ изнеможеніи опустилъ голову на подушку и умолкъ. Слабый румянецъ разлился по его щекамъ. Онъ закрылъ глаза".

36.

Фаустъ.

„Я началъ читать, не поднимая глазъ; мнѣ было неловко, сердце билось, и голосъ дрожалъ. Первое восклицаніе сочувствія вырвалось у нѣмца, и въ продолженіе чтенія онъ одинъ нарушалъ тишину...

«Удивительно! Возвышенно»!—твердилъ онъ, изрѣдка прибавляя: «а вотъ это глубоко!» Пріамскій, какъ я могъ замѣтить, скучалъ: по-нѣмецки понималъ онъ довольно плохо и самъ сознавалъ, что стиховъ не любитъ!.. Вольно-же было ему!—Я за столомъ хотѣлъ - было намекнуть ему, что чтеніе можетъ обойтись и безъ него, да посовѣстился. Вѣра Николаевна не шевелилась; раза два я украдкой взглянулъ на нее: глаза ея внимательно и прямо были устремлены на меня; ея лицо мнѣ показалось блѣднымъ... Я читалъ для одной Вѣры Николаевны: внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что «Фаустъ» на нее дѣйствуетъ".

37.

Ася.

„Я быстро обернулся... Взоръ мой упалъ на красиваго молодого человѣка въ фуражкѣ и широкой курткѣ; онъ держалъ подъ руку дѣвушку невысокаго роста, въ соломенной шляпѣ, закрывавшей всю верхнюю часть ея лица.

— Вы русскіе? — сорвалось у меня невольно съ языка.

Молодой человѣкъ улыбнулся и промолвилъ:

— Да, русскіе.

— Я никакъ не ожидалъ... въ такомъ захолустьѣ,— началъ-было я.

— И мы не ожидали, — перебилъ онъ меня: — чтожъ? Тѣмъ лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовутъ Гагинымъ, а вотъ это моя... онъ заикнулся на мгновеніе:—моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвалъ себя, и мы разговорились".

38.

Первая любовь.

„Бѣловзоровъ вошелъ; я ему обрадовался.

— Не нашелъ я вамъ верховой лошади, смирной,—заговорилъ онъ суровымъ голосомъ:—Фрейтагъ мнѣ ручается за одну, да я не увѣренъ, боюсь.

— Чего-же вы боитесь, — спросила Зинаида: — позвольте спросить?

— Чего? Вѣдь вы не умѣете ѣздить. Сохрани Богъ, что случится! И что за фантазія пришла вамъ вдругъ въ голову?"

39.

Собака.

„Повозился старикъ за перегородкой и вошелъ ко мнѣ со свѣчкой, тоненькой - претоненькой, изъ желтаго воска; и удивился-же я, на него глядючи! Самъ весь шершавый, уши мохнатыя, глаза злобные, какъ у хорька, на головѣ шапочка бѣлая войлочная, борода по-поясъ, тоже бѣлая, и жилетъ съ мѣдными пуговицами на рубахѣ, а на ногахъ мѣховые сапоги — и пахнетъ отъ него можжевельникомъ".

40.

Исторія лейтенанта Ергунова.

„Темное личико начало понемногу улыбаться, бѣлые зубки сверкнули вдругъ; головка приподнялась и, чуть-чуть встряхнувъ кудрями, показалась во всей своей рѣзкой и тонкой красотѣ. «Это что за бѣсенокъ»? подумалъ Кузьма Васильевичъ и, нагнувшись еще поближе, промолвилъ вполголоса:

— Фигурка! Эй, фигурка! Кто вы такая?

— Сюда, сюда, — промолвила немного сиплымъ голосомъ, не русскимъ, медлительнымъ говоромъ и съ невѣрными удареніями «фигурка» и подалась назадъ шага на два".

41.

Бригадиръ.

„Бригадиръ вскинулъ на насъ глазами... И тотчасъ устремилъ ихъ на поплавокъ; Огурецъ вскочилъ, выдернулъ удочку, снялъ свою истасканную поповскую шляпу, провелъ трепетной рукой по жесткимъ желтымъ волосамъ, поклонился на-отмашь и засмѣялся дряблымъ смѣхомъ...

Я бы не съумѣлъ сказать, почему бригадиръ возбуждалъ мое любопытство... Изъ-подъ теплаго картуза, закрывавшаго всю верхнюю часть головы его до бровей и до ушей, виднѣлось красное, гладкое, выбритое, круглое лицо, съ маленькимъ носомъ, маленькими губками и свѣтло-сѣрыми небольшими глазами. Простоту и слабость душевную и какую-то давнишнюю, безпомощную грусть выражало это смиренное, почти дѣтское лицо; въ нѣжныхъ бѣлыхъ ручкахъ съ короткими пальцами было тоже что-то безпомощное, неумѣлое..."

42.

Несчастная.

„Каждый день я читала Ивану Матвѣичу, иногда три, четыре часа сряду..."

43.

Вешнія воды.

„На диванѣ лежалъ, весь бѣлый-бѣлый съ желтоватыми отливами, какъ воскъ или какъ древній мраморъ, — мальчикъ, поразительно похожій на дѣвушку, очевидно, ея братъ. Глаза его были закрыты, тѣнь отъ черныхъ густыхъ волосъ падала пятномъ на словно окаменѣлый лобъ, на подвижныя тонкія брови; изъ-подъ посинѣвшихъ губъ виднѣлись стиснутые зубы. Казалось, онъ не дышалъ,—одна рука опустилась на полъ, а другую онъ закинулъ за голову. Мальчикъ былъ одѣтъ и застегнутъ; тѣсный галстухъ сжималъ его шею.

Дѣвушка съ воплемъ бросилась къ нему...

Въ комнату, ковыляя на кривыхъ ножкахъ, вошелъ маленькій старичокъ въ лиловомъ фракѣ съ черными пуговицами, высокомъ бѣломъ галстухѣ, нанковыхъ короткихъ панталонахъ и синихъ шерстяныхъ чулкахъ. Его крошечное личико совер-

шенно исчезало подъ цѣлой громадой сѣдыхъ, желѣзнаго цвѣта волосъ. Со всѣхъ сторонъ, круто подымаясь кверху и падая обратно растрепанными косицами, они придавали фигурѣ старичка сходство съ хохлатой курицей..."

44.

Странная исторія.

Софья Владиміровна и юродивый.

45.

Сонъ.

„...Что-то блестящее бросилось мнѣ въ глаза: оно остановило меня. То былъ золотой ободокъ на откинутой рукѣ трупа... Я узналъ обручальное кольцо моей матери. Помню, какъ я заставилъ себя вернуться, подойти, нагнуться... Помню клейкое прикосновеніе холодныхъ пальцевъ; помню, какъ я задыхался и жмурился, и скрипѣлъ зубами, срывая упорное кольцо..."

46.

Пунинъ и Бабуринъ.

„Пунинъ засмѣялся.—А потому, что очень она у насъ холодная.

— Благоразумная,—подхватилъ Бабуринъ:—какъ слѣдуетъ быть молодой дѣвицѣ.

— Мы можемъ ее и хозяюшкой величать,—воскликнулъ Пунинъ.—Ась, Парамонъ Семенычъ?—Бабуринъ нахмурился; Муза отвернулась..."

47.

Клара Миличъ.

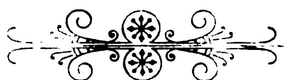
„Аратовъ тихо опустился на колѣни.—Да; онъ былъ правъ тогда: ни испуга, ни радости не было въ немъ—ни даже удивленія... Даже сердце его стало тише биться. Одно въ немъ было сознаніе, одно чувство: «А! наконецъ! наконецъ!"

48.

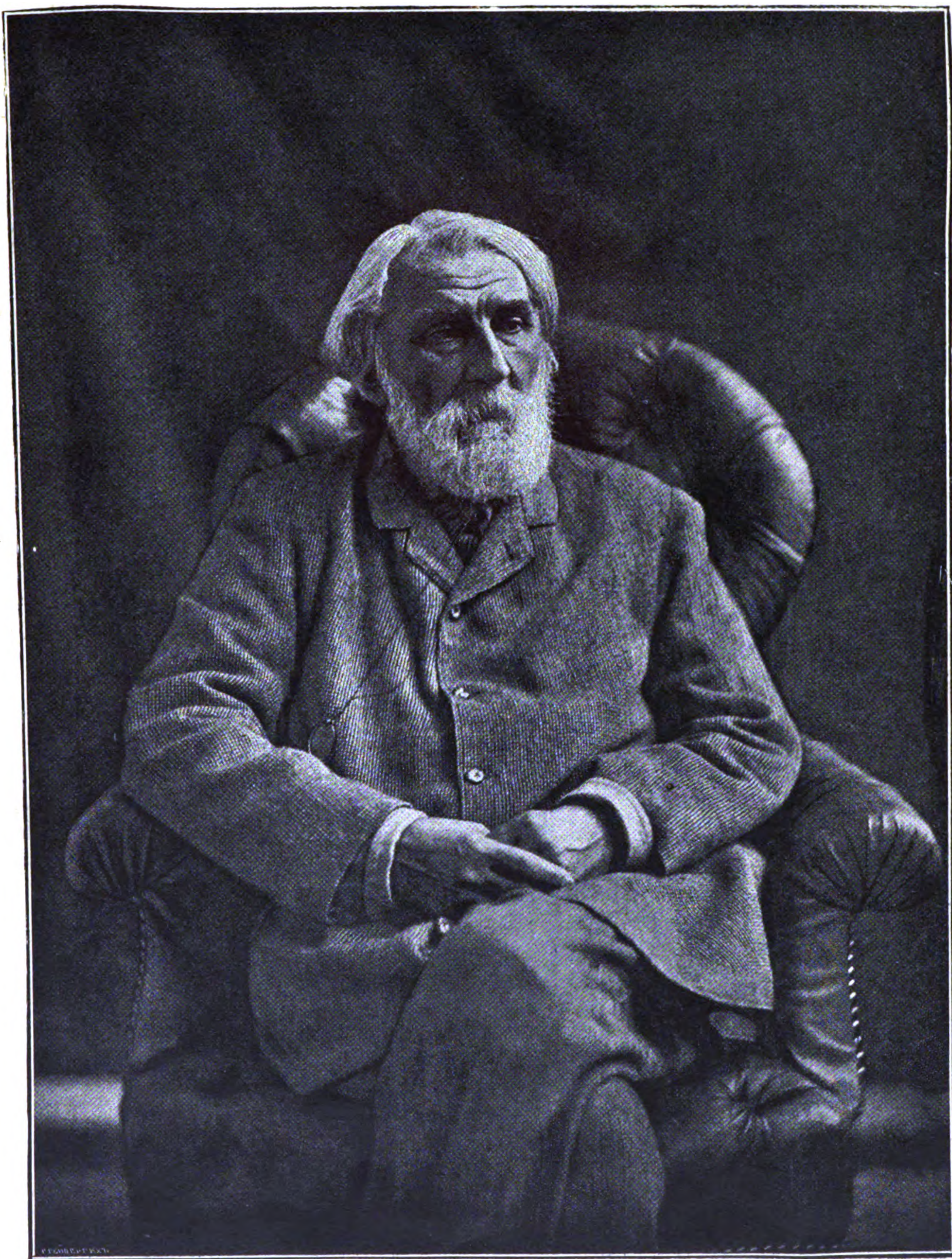
Часы.

„...но вотъ, уже я въ теткиной комнатѣ; вотъ лампадка въ одномъ углу и кровать въ другомъ, и тетка въ чепцѣ и кофта на кровати, лицомъ ко мнѣ. Спитъ, не шевелится; даже дыханія не слыхать. Пламя лампадки тихонько колеблется, возмущенное притокомъ свѣжаго воздуха; и по всей комнатѣ, и по неподвижному, какъ воскъ желтому, лицу тетки—заколебались тѣни...

А вотъ, и часы! За кроватью, на стѣнѣ висятъ они на вышитой подушечкѣ".

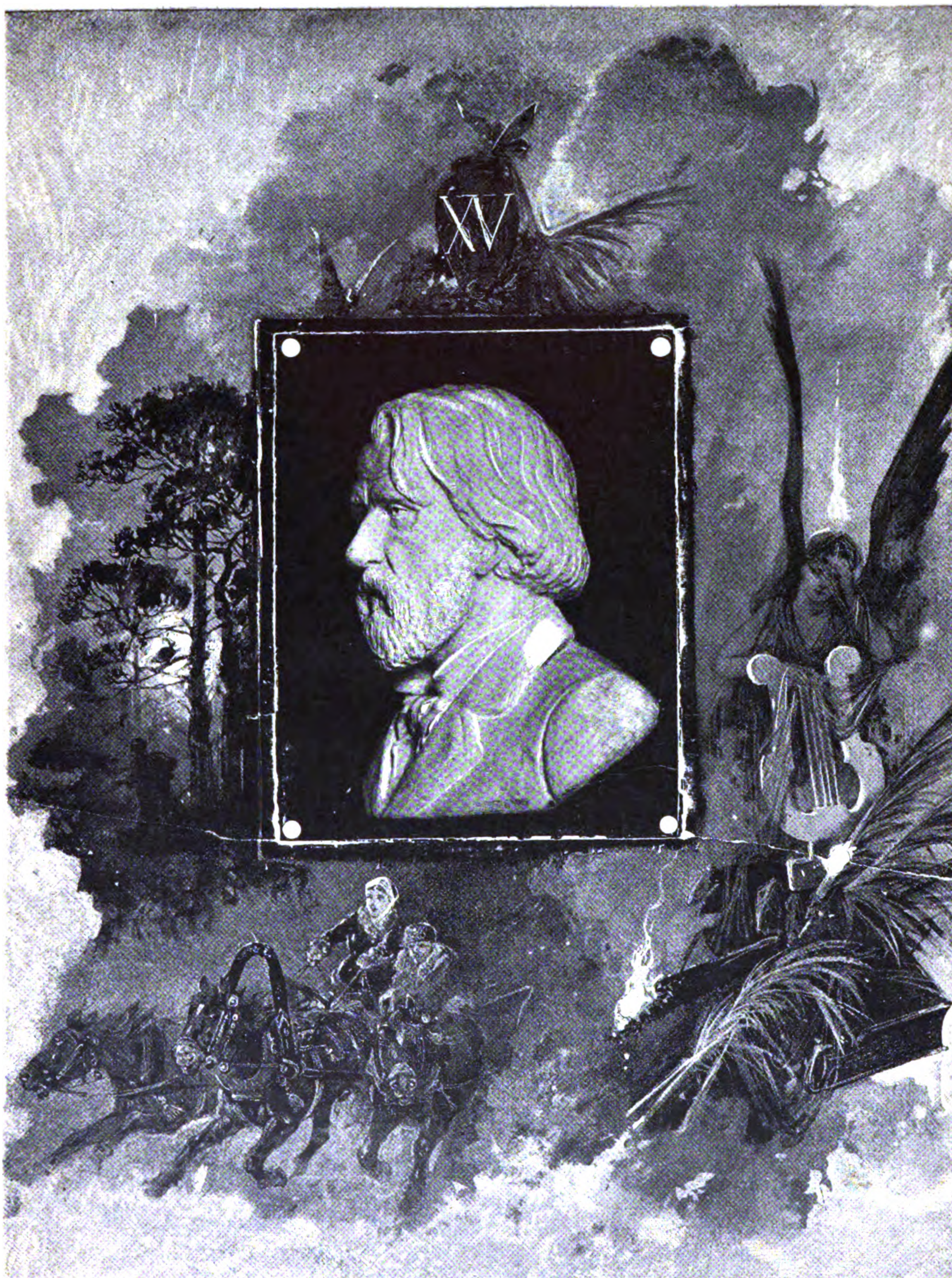

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ

(Факсимиле портрета, снятаго за полгода до смерти И. С. Тургенева).

Въ память 15-лѣтія со дня кончины

Ивана Сергѣевича Тургенева.

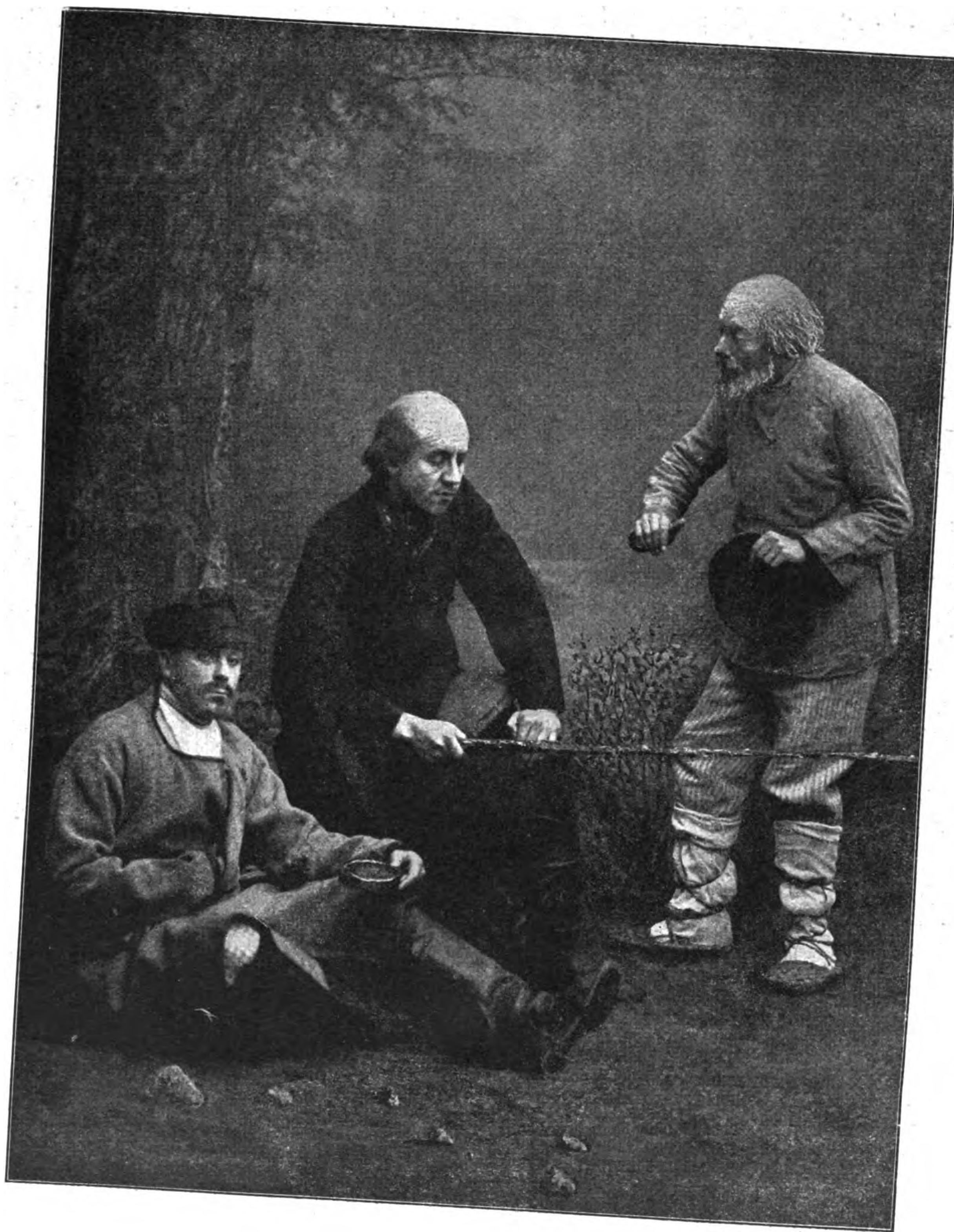
Ориг. рис. Н. Н. Каразина.

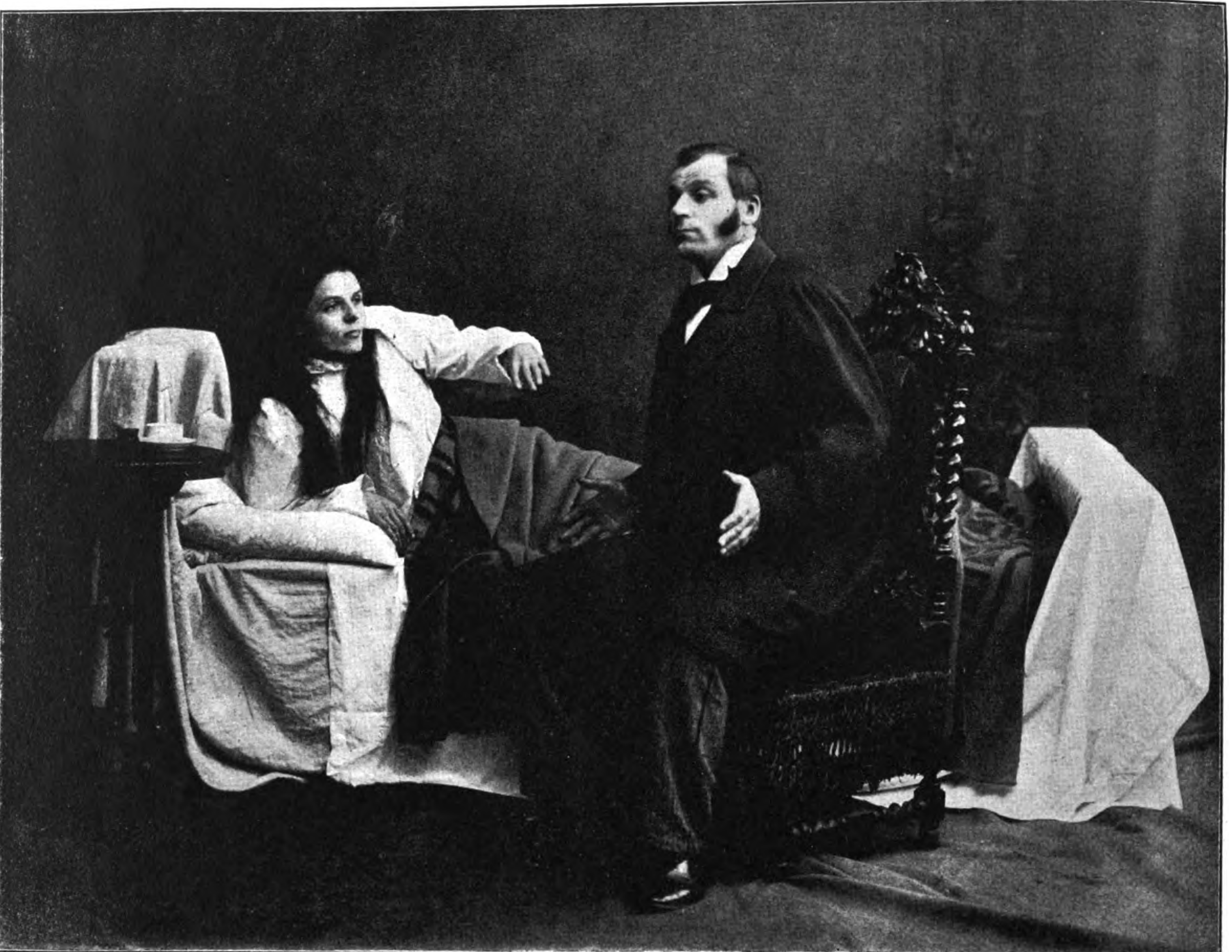
„Хорь и Калинычъ“.

„Ермолай и мельничиха“.

„Малиновая вода“.

„Уѣздный лекарь".

„Однодворецъ Овсянниковъ“.

„Льговъ“.

„Контора“.

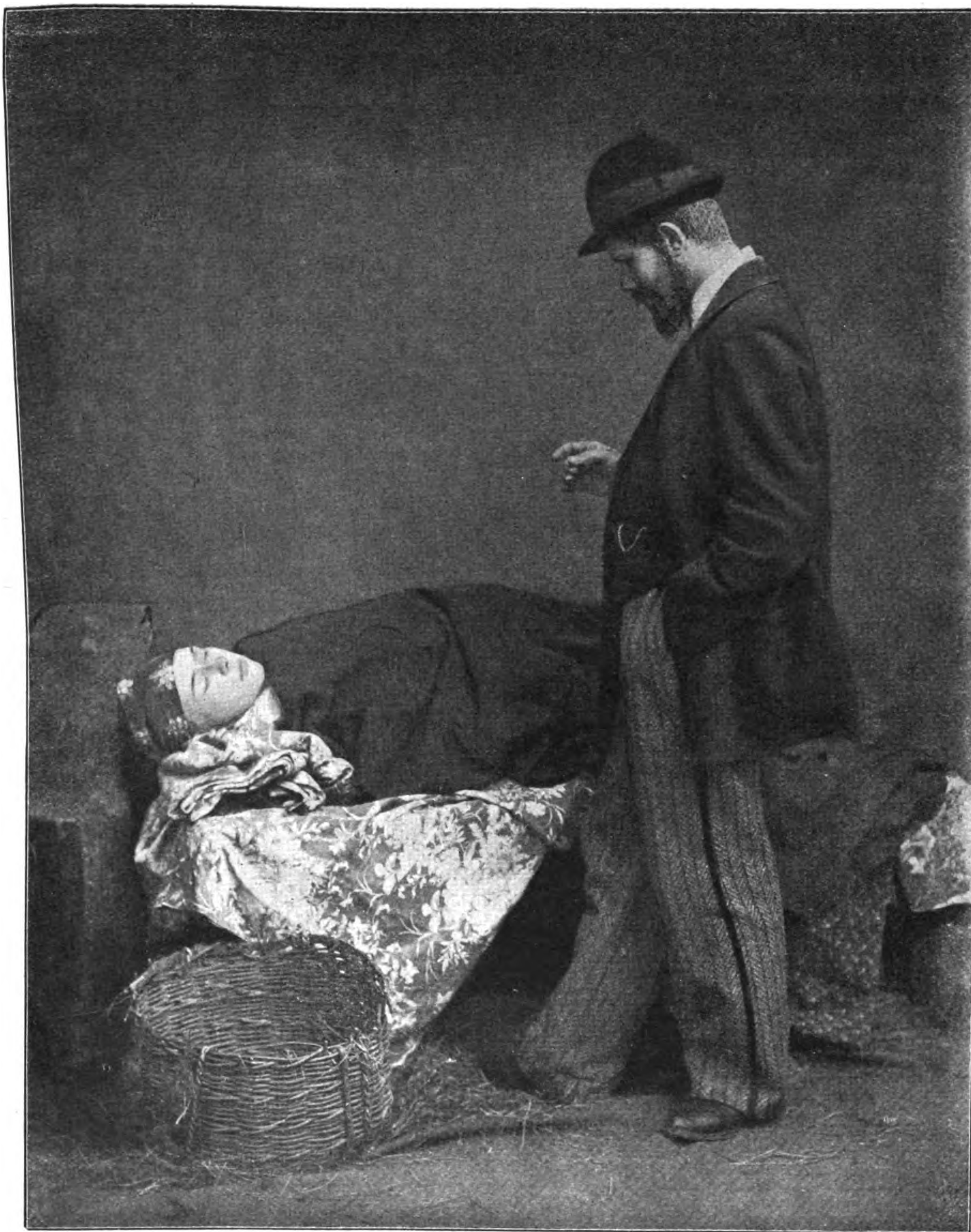
„Бирюкъ“.

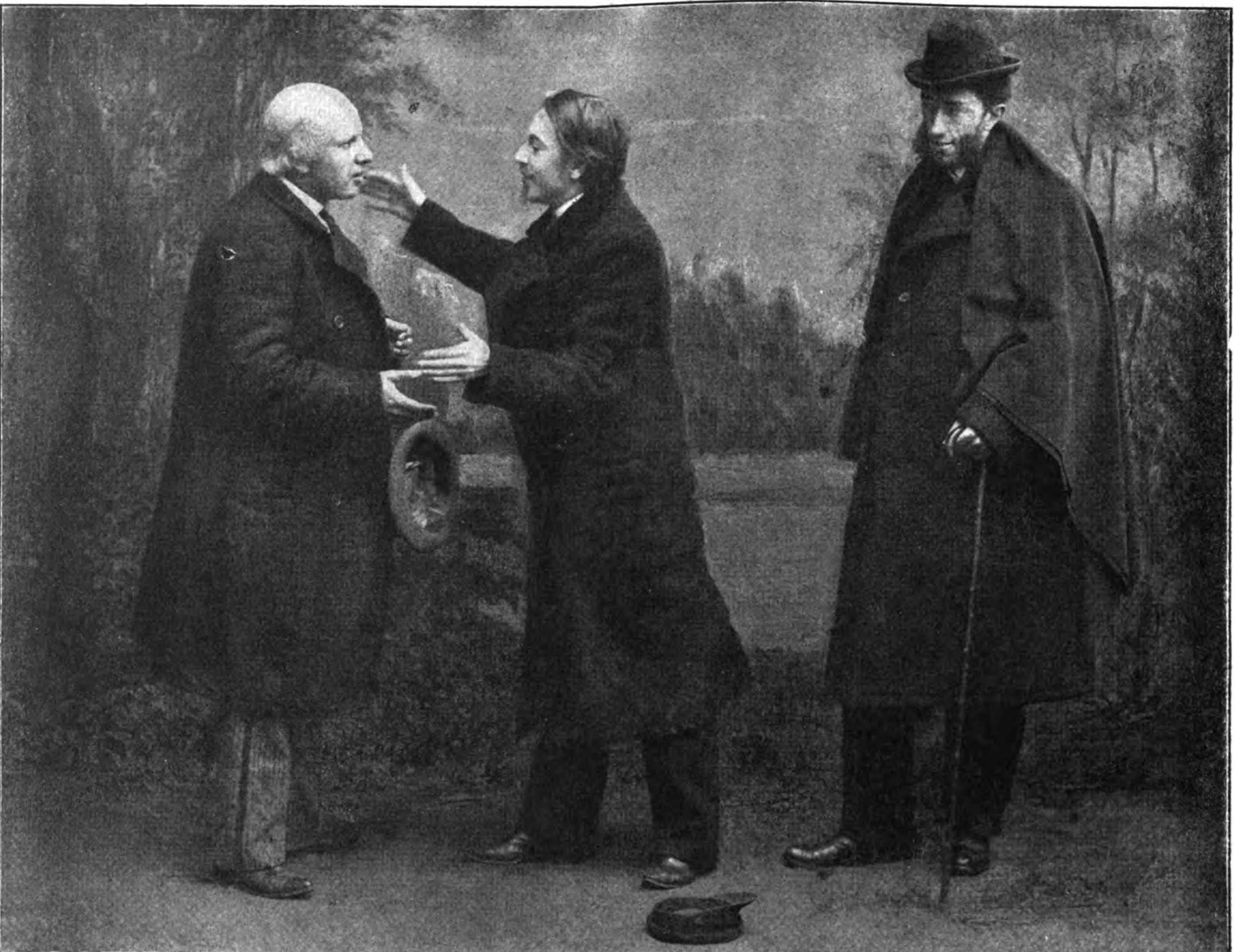
„Свиданіе“.

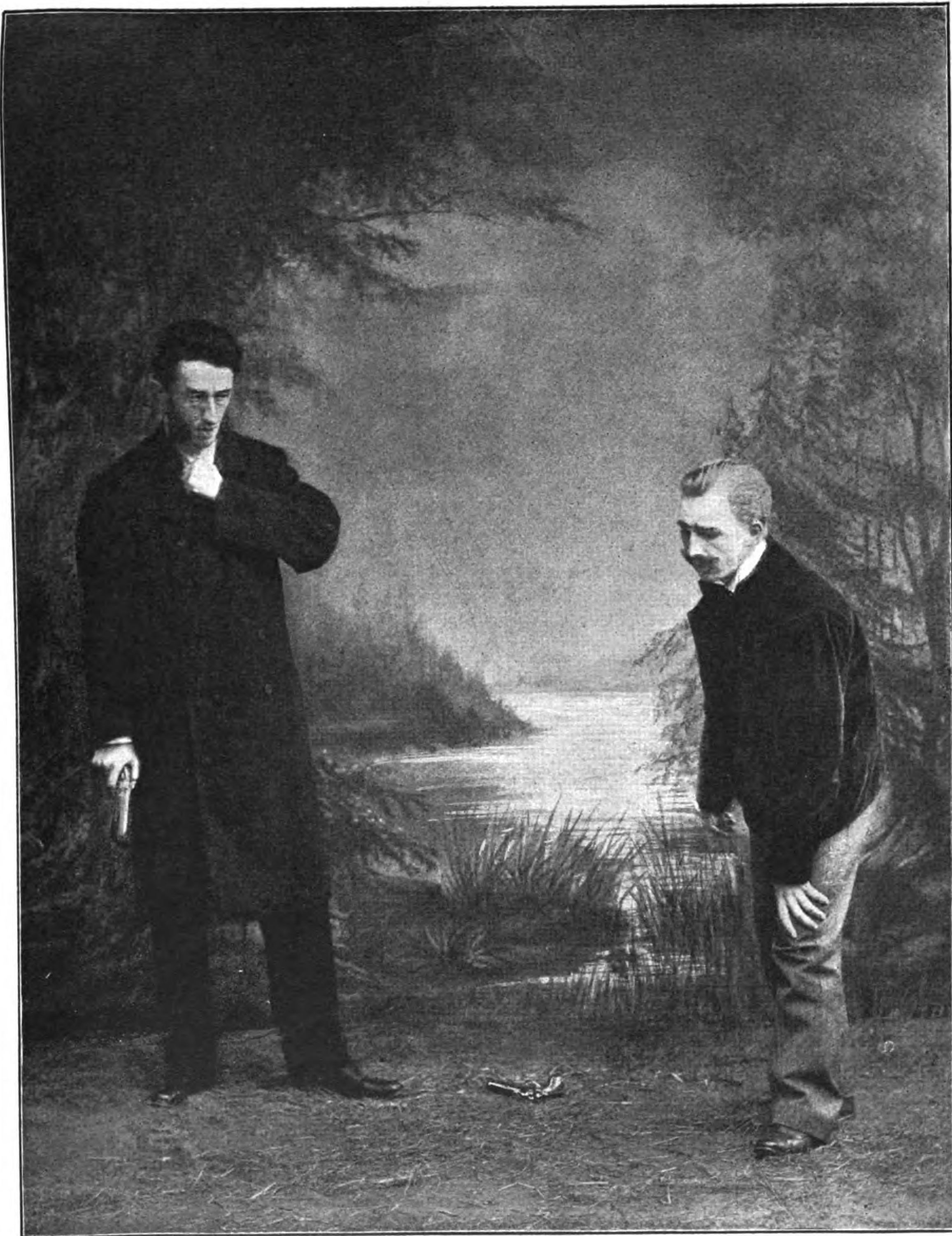
„Чертопхановъ и Недопюскинъ".

„Живыя мощи“.

„Отцы и дѣти“. (Встрѣча).

„Отцы и дѣти“. (Дуэль).

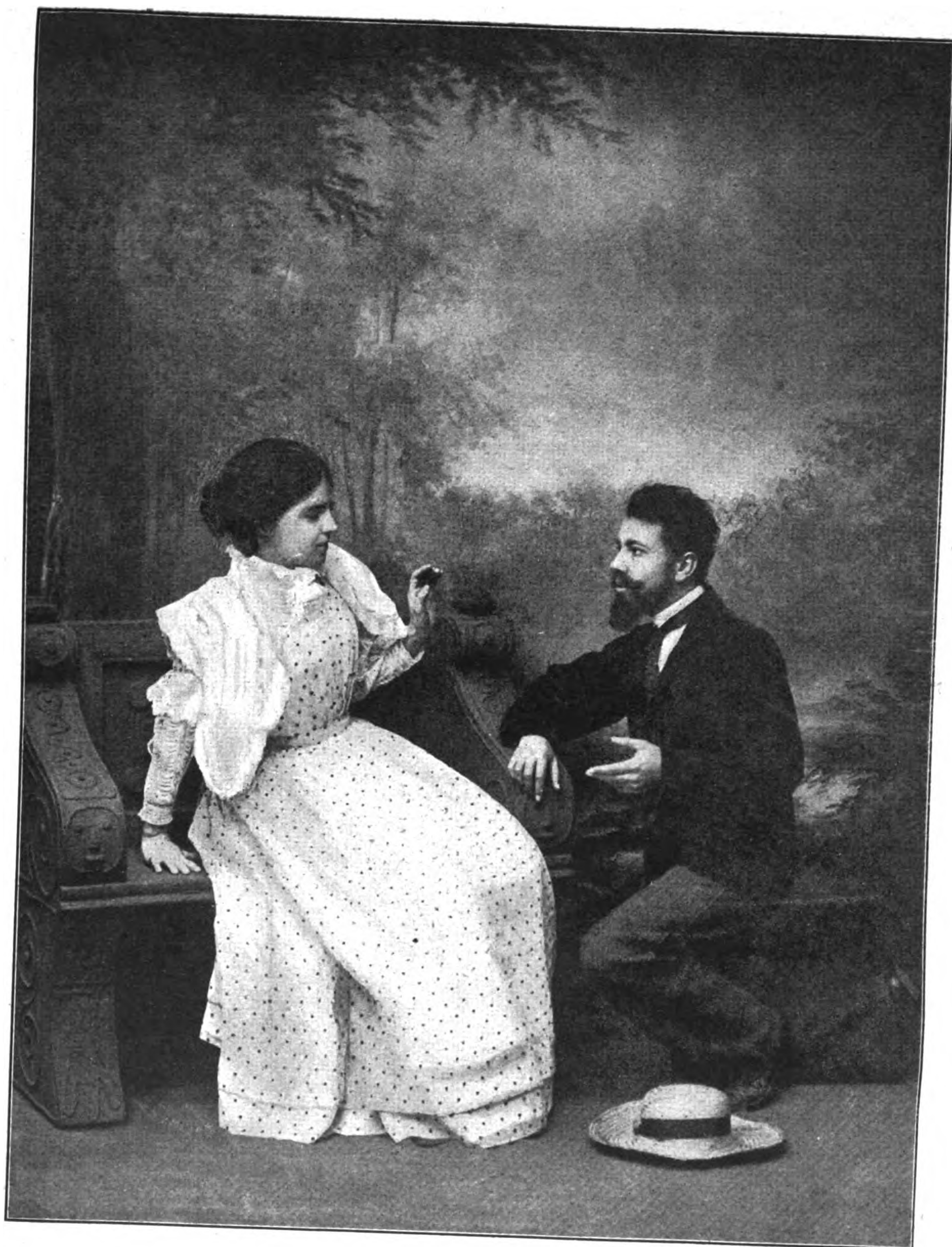
„Отцы и дѣти“. (Базаровъ и Одинцова)

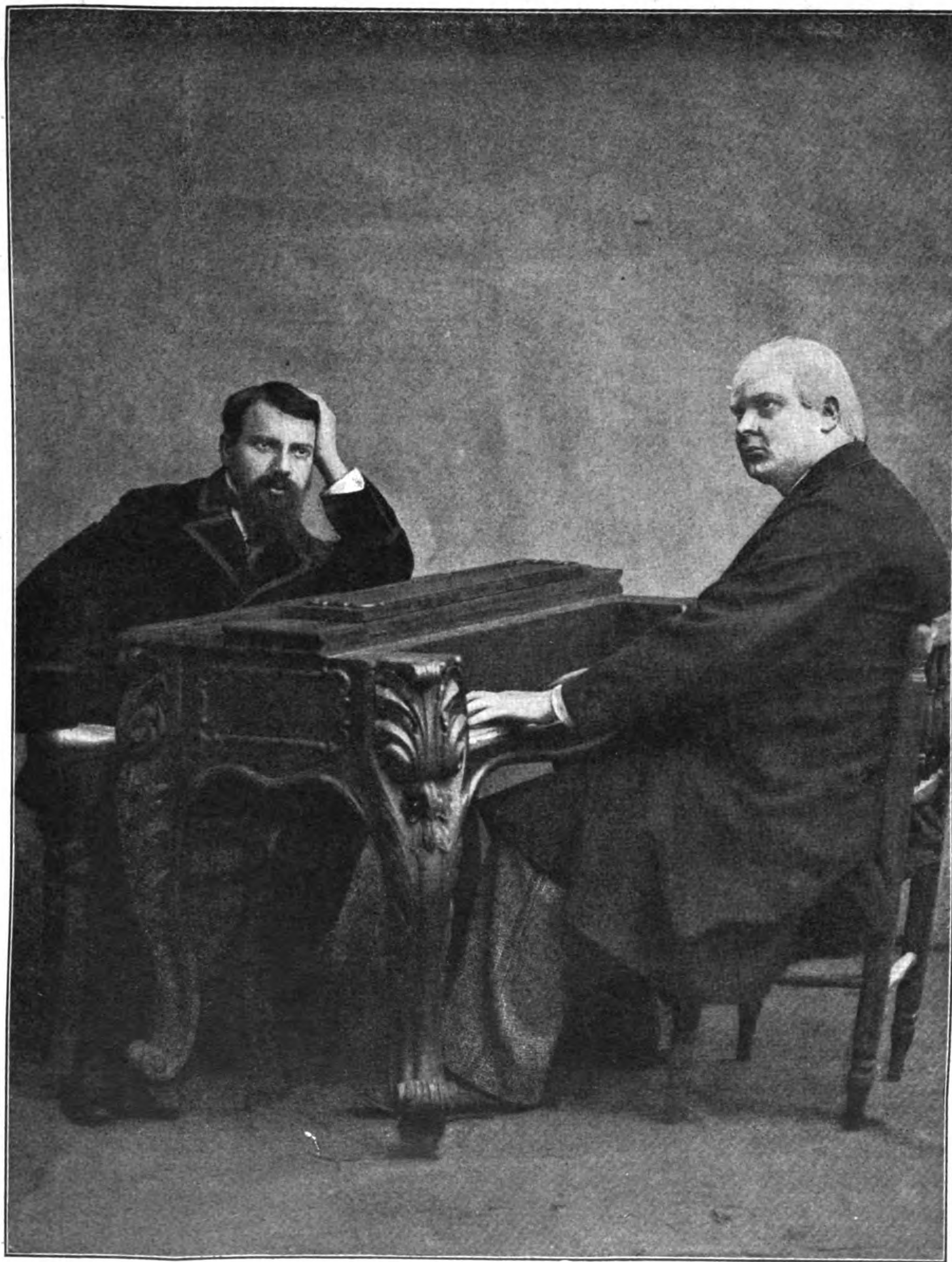
„Дымъ“. (a).

„Дымъ“ (б).

„Дворянское гнѣздо“.

„Дворянское гнѣздо“ (Леммъ).

„Дворянское гнѣздо“. (Лиза).

„Новъ".

„Новъ".

„Рудинъ".

„Бреттеръ“.

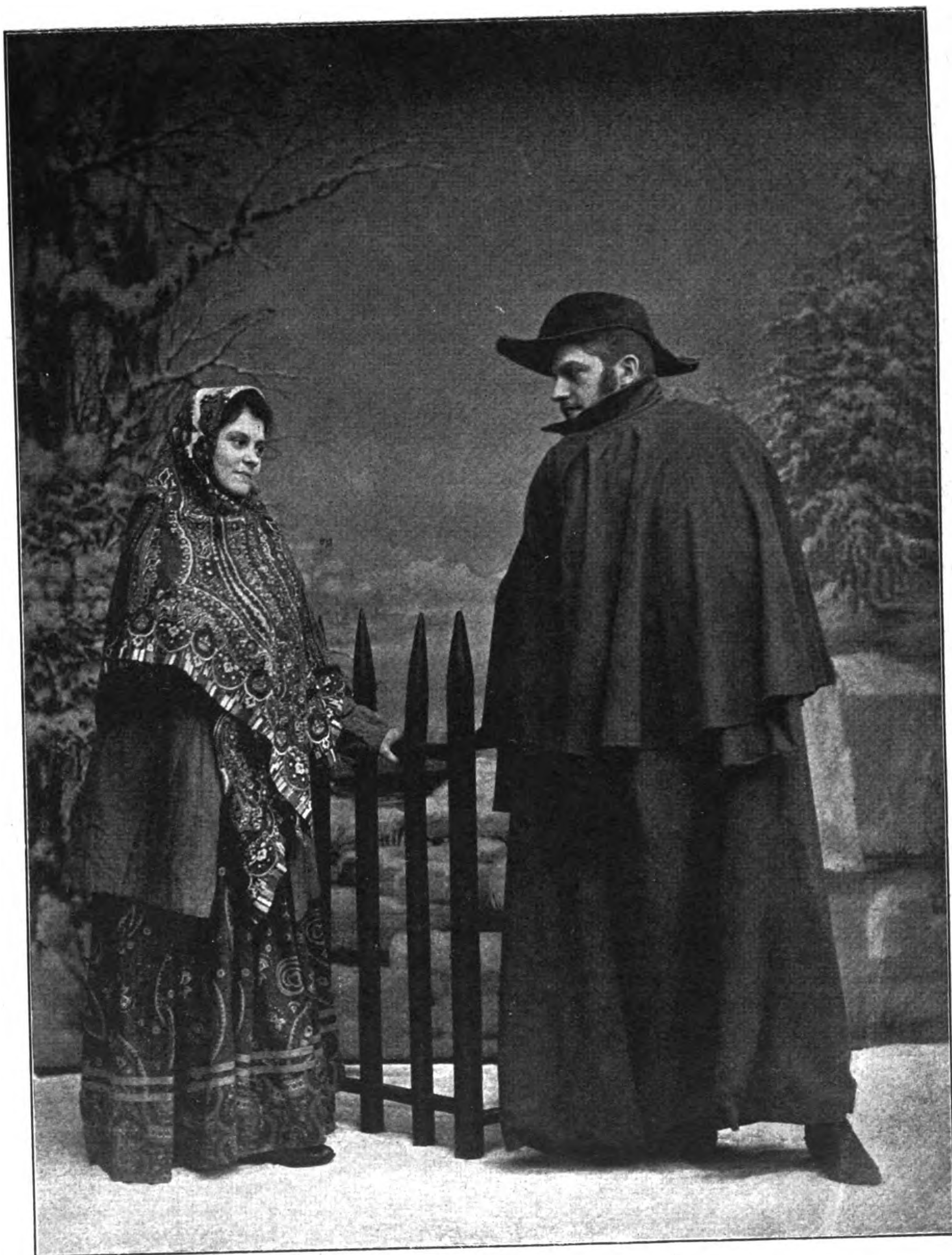
„Три портрета“.

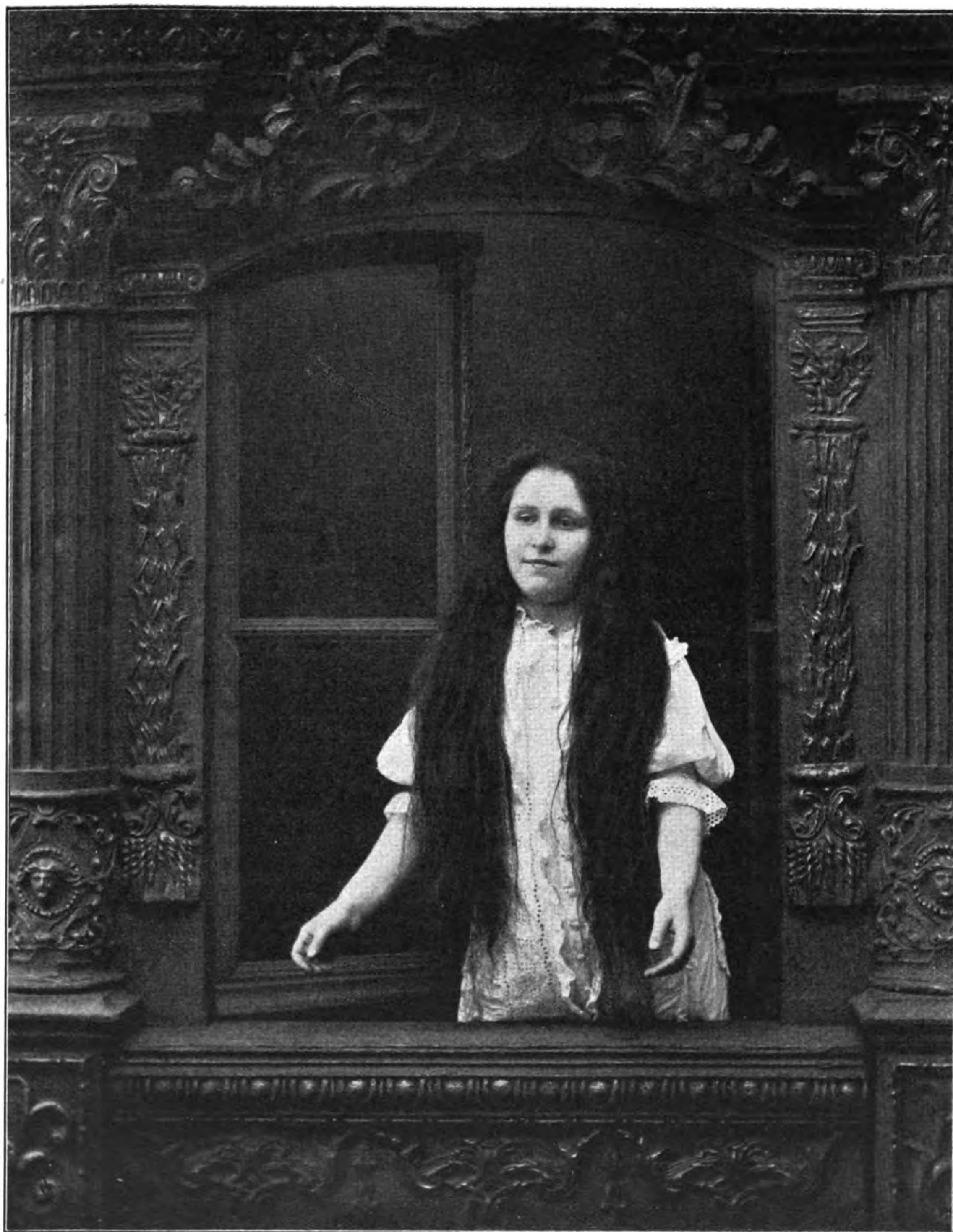
„Жидъ“.

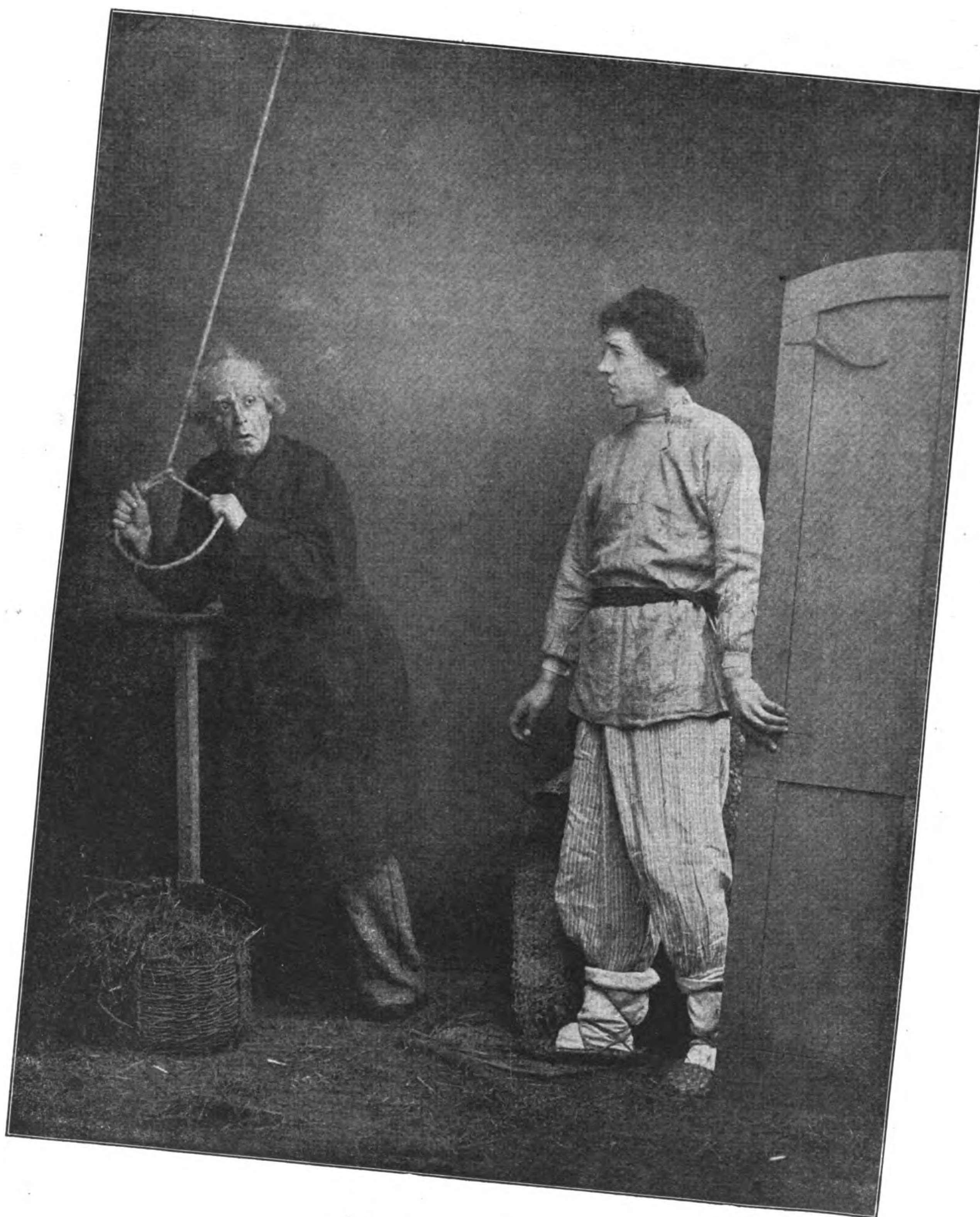
„Жидъ".

„Пѣтушковъ“.

„Три встрѣчи“.

„Три встрѣчи“.

„М у м у“.

„Постоялый дворъ“.

„Два пріятеля“.

„Затишье“.

„Яковъ Пасынковъ“.

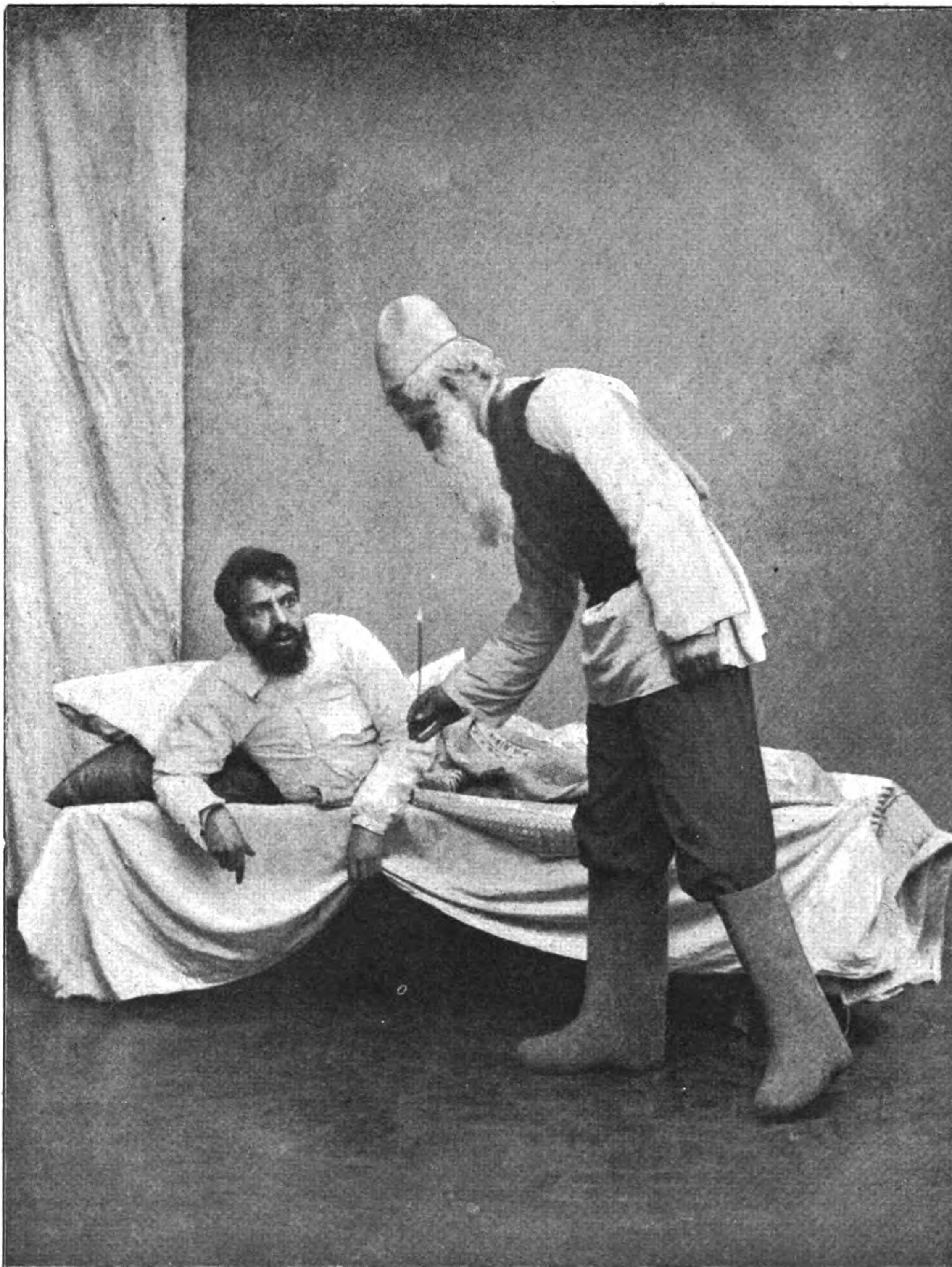
„Фаустъ".

„Ася“.

„Первая любовь“.

„Собака“.

„Лейтенантъ Ергуновъ“.

„Бригадиръ“.

„Несчастная“.

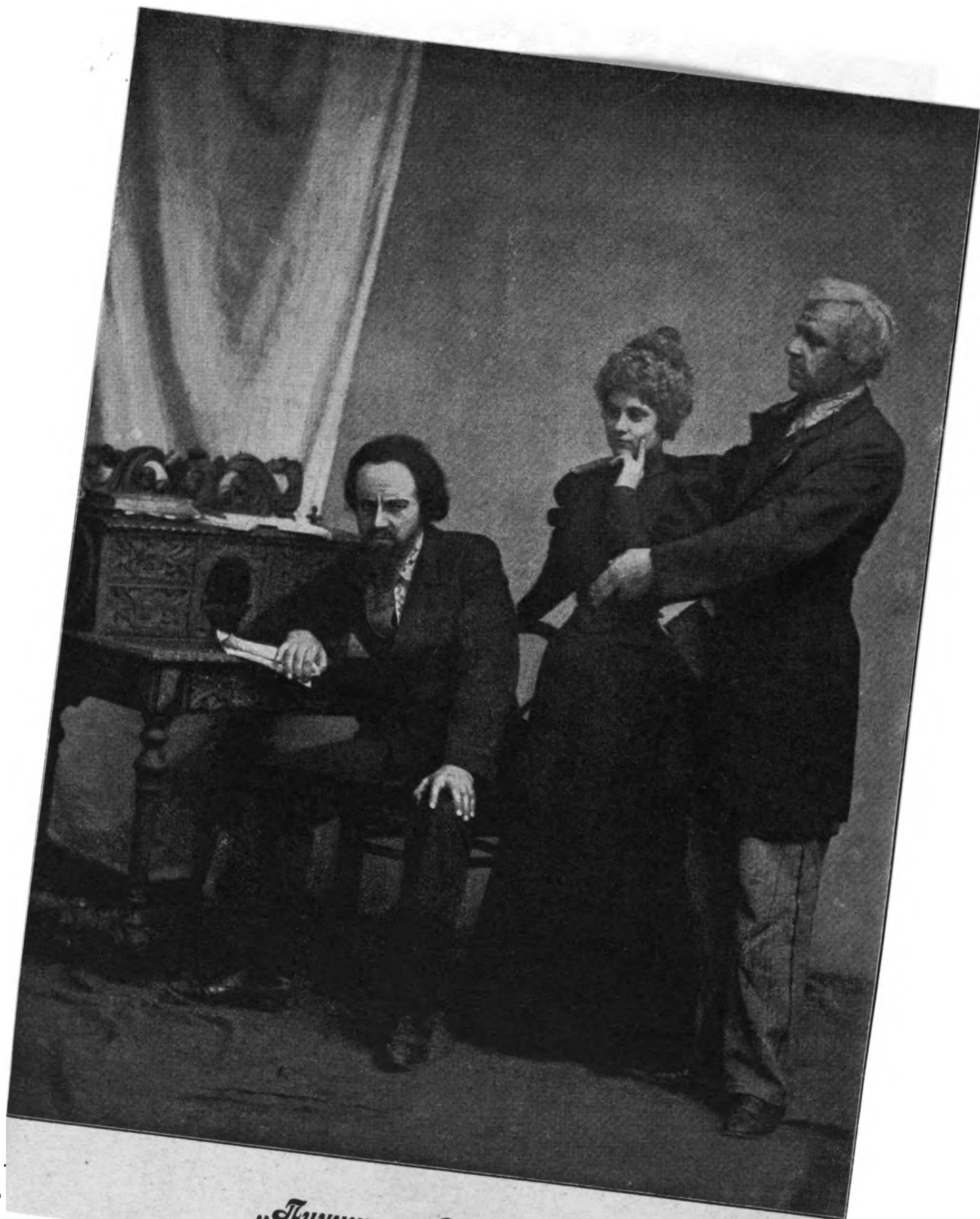
„Вешнія воды".

„Странная исторія“.

„Сонъ".

„Пунинъ и Бабуринъ“.

„Клара Миличъ“.

„Часы“.

PG 3441.5 .A4 1898 f C.1
Albom illustratii, lepoinenn
Stanford University Libraries
3 6105 039 661 744